

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА XVIII – НАЧАЛА XIX в.)

Одним из проявлений присущего модернизации рационализма можно рассматривать возникновение статистики. Числовые сведения были призваны установить закономерности, причины, следствия массовых явлений общественной жизни, в том числе и в народонаселении. В сфере внимания демографического учета находятся проблемы численности населения земного шара, «демографический взрыв» и пр. Современный демографический учет рассчитан на гражданское общество, члены которого сотрудничают с органами государства и не считают статистические операции вторжением в свою частную жизнь. Кроме того, демографический учет ориентирован на образованного человека, который знает календарные даты событий своей жизни и на их основе умеет определять важные демографические параметры (например точно указывает свой возраст). Подобный *homo statistikus* — принадлежность современного общества, результат длительного развития самой статистической науки — появляется в процессе модернизации. Собственно статистика возникла в форме так называемой «политической арифметики». Научные взгляды ее представителей самым тесным образом были связаны с практикой учета, которая их вырабатывала. Теоретические идеи зародились ранее самого учета, но оформились в некоторую систему, когда уже была осознана необходимость и польза статистических сведений, их систематический, постоянный сбор стал обычным делом.

В дореволюционной России полная схема статистики населения (текущий учет и переписи) внедрена не была. Наивысшим достижением российской статистики населения принято считать перепись 1897 г., хотя становление демографического учета началось еще в предыдущем столетии. Рассмотреть зарождение данной отрасли в России XVIII в. по уральским материалам, то есть проследить первые «ростки» модернизации в этой сфере в традиционалистском обществе является целью нашей работы. В этот период государственные и общественные деятели исповедовали популистские взгляды: увеличение населения, а следовательно, увеличение численности войск и плательщиков податей, рассматривалось ими как естественное увеличение могущества государства. Повышение удельного веса политических мероприятий, направленных на регулирование и контроль демографического поведения населения происходило также в силу абсолютистских устремлений. О демографической политике в ее современном понимании применительно к XVIII в. говорить не приходится, но отдельные мероприятия (законодательное определение возраста вступления в брак, переселения) проводились издавна. Главным достижением государственных властей явилось осуществление необходимого и существенного элемента демополитики — организация системы источников данных о населении. В первой половине XVIII в. в рамках ревизского и церковного учета происходил совершенно необходимый для налаживания статистики населения процесс — государственные органы

привыкали работать с документами по учету населения (вопросы статистического наблюдения, сводки, обработки и освещения полученных результатов), население же свыклось с мыслью, что оно является объектом такого учета.

Последствием стремления правительства при введении учета получить как можно больше сведений и отсутствия на первых порах четкой формы учетных документов явилась информационная избыточность собранных данных[1]. Так, формуляр первой ревизии во многом складывался стихийно в ходе ее проведения. Приходская книга по указу 1737 г. должна была включать 71 рубрику. В силу этого правительство могло выбрать наиболее приемлемый вариант содержания документов и затем вести работу по их формализации (позже учетные документы получили табличную форму и неоднократно публиковались).

При введении учета интерес правительства был направлен на индивида, однако для фиксации материала наиболее приемлемым оказалось перечислять людей по семьям (ревизский учет) или по дворам (церковный учет) с указанием их возраста. В формуляр документов ревизского учета, был заложен своеобразный механизм четкости, присущий только ему — составитель очередной сказки должен был отчитаться за каждого человека, зафиксированного предыдущей ревизией. Это окончательно определило форму первичных документов ревизского учета — посемейный список с двойным указанием возраста записанных (по предыдущей и теперешней ревизии) и событий, произошедших с этим населением в межревизский период (например, «умер», «отдан в рекруты», «вышла в замужество» и пр.).

Документы церковного учета были двух типов — исповедные росписи и так называемые метрики. В конце концов они приобрели следующую форму. На одной стороне (странице) тетради (или книги, если приход был большим) переписывали прихожан по их дворам и указывали возраст. По третям года делали отметки о явке на исповедь и «ко святому причастию», в конце списка подводились итоги по сословиям. Другая страница была разлинована на три части, в каждой из которых записывались сведения об определенном обряде (дата и характеристика лиц, над которыми он производился; например, указывались имена восприемников у окрещенных детей), под конец года давались общие итоги «по родившимся, браком сочетавшимся и умершим».

Общее руководство ревизским учетом осуществлял Сенат, церковным — Синод. В первую ревизию сказки подавало само население. Губернаторы и воеводы их собирали и отсылали в специальное учреждение Сената — канцелярию Зотова. Во время второй ревизии губернаторов и воевод заменяли офицеры, которые сверяли поданные населением сведения с материалами первой ревизии и предоставленными справками, затем составляли сводки и отсылали их в Сенат. Третья ревизия проводилась силами местных властей. Сказки составляли губернаторские, провинциальные и воеводские канцелярии. Проведение ревизий всегда затягивалось, и только в четвертую ревизию удалось уложиться точно в срок. Ее проводили местные власти, но более низкого уровня — нижние земские суды, которые посылали сводные данные казенным палатам (возникшим в 1775 г.), а те подавали окончательные итоги в Сенат. Из большого количества инстанций, задействованных в проведении ревизий, предпочтение в

конце концов было отдано среднему, если можно так выразиться, звену местной власти — нижним земским судам, которые знали ситуацию на местах и в то же время имели уже достаточно квалифицированные кадры для проведения учета, а также специальным налоговым учреждениям — казенным палатам. Само же население от сбора информации было отстранено.

В церковном учете население как агент сбора информации не принималось в расчет изначально. Вся работа была сосредоточена в руках приходского клира. Если при проведении ревизий стремились прежде всего к точности, то создание церковного учета скорее явилось компромиссом между желанием властей получить нужные им сведения о населении и возможностью духовенства проводить учет своих прихожан. Принимая во внимание, что приходское духовенство имело хотя бы зачатки грамотности, государство предписывало иметь в приходе книгу со списком прихожан и вести по ней текущий контроль за исповедью, а для центральных властей составлять на ее основе итоговый отчет. Священники ограничивались отправкой списков прихожан, первоначально высылая их Синоду и присутственным местам. С 1737 г. к ним добавился еще один адресат — Духовное правление, которому надо было предоставить копию книги, а Синоду — сводные материалы. Следует согласиться с мнением Б.Н.Миронова, что подобное требование было нереально, ибо означало проведение ежегодных переписей всего православного населения страны силами только духовенства[2]. В 1742 г. был найден жизнеспособный вариант, более или менее равномерно распределяющий работу между тремя инстанциями — священник ведет общий список прихожан, консистория получает от него список неисповедовавшихся, а Синоду подает уже генеральный по форме экстракт. Только после этого в 1740—1750-е гг. Синоду удалось наладить регулярный сбор и присылку материалов учета.

На Урале в сборе сведений церковного учета полного успеха в XVIII в. достигнуто не было[3]. Показателен случай с Далматовским заказом 1770 г. Оренбургский губернатор Рейнсдорп, составляя в январе генеральную ведомость по текущему учету населения, обнаружил, что Далматовский заказ не прислал для нее сведений. После трехкратного безрезультатного запроса в Далматов, он вынужден был обратиться к архимандриту Иакинфу. Глава Тобольской епархии уже давно знал «слабость» Далматовского духовного правления в «чинении ведомостей», поэтому он приказал держать служителей заказа «под караулом без выпуску» до завершения составления ведомостей и пригрозил, что если по этому поводу еще будут жалобы, «отстранить заказчика от заказа как неспособного к правлению дел и выправить ведомости на коште духовного правления».

Далматовский заказ попытался свалить вину на мирскую избу, через которую посылал ведомости. Его служители утверждали, что ведомость отправили еще в январе, поэтому и на первое требование губернатора не прореагировали «в рассуждении того, что посланная ведомость еще не получена». По второму требованию они якобы переписали ведомость и вновь ее отослали. Эти отписки дело, однако, не продвигали. Шел уже апрель, и губернатор вынужден был снова обратиться в Далматов, предлагая «с отпуску написать такую же ведомость и отправить так, чтобы в пути утратиться не могла, и требуя над-

лежаще исследовать, каким образом и через кого первые ведомости были отправлены и кем удержаны»[4].

Существовала еще одна, характерная именно для Урала трудность в проведении учета — его неприятие старообрядцами, доля которых в населении края была значительной. Взаимоотношению старообрядцев и властей в данном вопросе на протяжении XVIII столетия посвящены несколько глав монографии Н.Н.Покровского «Антифеодальный протест урало-сибирских старообрядцев в XVIII веке»[5]. Ситуация была далеко не однозначной. Автор не ставит под сомнение хорошо известный тезис об уклонении представителей этой конфессии от различных видов учета, как церковного, так и ревизского, однако приходит к мнению, что учет староверов станет традиционным именно во время проведения ревизий[6]. Запись в ревизскую сказку и платеж двойного оклада был одним из немногих средств перехода старообрядцев на легальное положение, но эти же меры обеспечивали духовенство сведениями о тех, кого надо с помощью воинских команд и застенков «увещевать» для перехода в православие. «Испорченность» данных церковного учета была еще значительнее, поскольку в его основе лежало совершение обрядов в лоне официальной церкви — один из основных «каменей преткновения» никониан и староверов. Последние уже в XVII в. перешли на самообслуживание: «устрои сами себе священников, и вся таинства наша православныя... действовати... крещения творити... и погребати».

Практику учета, проводимую российским абсолютизмом, старообрядцы критиковали не только с народной, но и с традиционалистской точки зрения. В данном случае ярко проявился конфликт между модернизацией и традицией. Ревизский учет был для них неприемлем уже потому, что он являлся новшеством. Р.Г. Пихоя приводит следующую цитату из старообрядческого «Цветника» середины XIX в., который, по его мнению, восходит к предыдущему столетию: «Устанавливая их (ревизии — Р.Г.) не по прежде установленному благочестивых царей, но нечто особое вне границ православного правления»[7]. В другом месте старообрядческий автор оценил проведение первой ревизии Петром I более жестко: «...сего и в древние времена бывшие мучители не творили»[8]. Староверы вскрывали антинародную направленность ревизского учета: «Учени описание народное, исчисляя все мужеска пола и женска, старых и младенцов, живых и мертвых... взыскупя всех, дабы не один мог скрытися... и облагая их данями великими»[9]. Рациональные мероприятия светского государства воспринимались простыми людьми XVIII в. как грубое вмешательство в сферу частной жизни: по их мнению, попадание в документы ревизии «всякого при своем житии крепко ограничивает»[10]. Человеку того времени были абсолютно непонятны и поэтому воспринимались им как «ковни» или «тиранство» властей принципы, положенные в основу ревизского учета, например, облегчавший сбор налогов прием платить подати за всех попавших в ревизскую сказку до проведения новой ревизии, даже если они умерли (так замечательно обыгранный Н.В.Гоголем в «Мертвых душах»). В той же старообрядческой литературе существуют яркие примеры подобного «непонимания». Если продолжить далее тему о «данях великих», то оказывается, что их «возлагали»

«не точно на живых, но и на мертвых». «Таково тиранство учини, и с мертвых дани востребова»[11]. Рационализм и «модернизм» ревизского учета с трудом воспринимался здравым смыслом русских людей. Народ не видел надобности в том, чтобы «его сосчитали», а соединение с учетом населения мероприятий по сбору налогов и борьбы с церковным инакомыслием начисто отворачивали население от статистики.

Государство при проведении учета вынуждено было прибегать к целому набору мер воздействия, которые можно разделить на две группы: наказания — смертная казнь, телесные наказания, ссылка на галеры, конфискация имущества, денежные штрафы, содержание в цепях и под караулом (для священников, кроме того, отречение от сана и монастырские работы); поощрения — снятие наказаний за утайку душ, если сведения будут поданы вовремя, прощение наказанных и отмена штрафов, освобождение от крепостной зависимости крестьян, если им удавалось уличить своих владельцев в сокрытии душ и пр. Как стимулирующее средство постоянно использовали такую меру как повторные указы.

Правительство комбинировало меры воздействия по следующей схеме. Наказания доминировали при проверках и на начальных стадиях организации учета. Например, в ревизском учете объем наказаний был сокращен уже начиная со второй ревизии, ибо к этому времени государство заставило население смириться с введением учета. С третьей ревизии ограничивались только штрафами. По окончании ревизий силу набирали «милостивые» указы, то есть поощрения за обеспечение более полной информативности учетных данных.

Для обеспечения точности ревизского учета проводились специальные мероприятия. Уже в первую ревизию власти сделали попытку объединить обе системы учета — духовенство должно было содействовать сбору сказок предоставлением своих сведений (с этого момента материалы церковного учета стали главным источником проверки сведений ревизий). По окончании ревизии производилась проверка. Первый раз она осуществлялась силами армии и специально созданных переписных канцелярий; во второй — была совмещена со сбором данных; сведения третьей ревизии выборочно контролировались офицерами; во время четвертой контроль осуществляли местные власти, но только «по подозрению».

Основные черты ревизского учета сложились к третьей ревизии (1763 г.), церковный был налажен в 1750-х гг. Они оказались совершенно оригинальными учетными системами, в довольно своеобразной форме вобравшими в себя полную схему статистики населения — переписи и текущий учет. Ревизии, будучи переписями, учитывали текущие демографические события за межревизский период у записанного в них населения. Церковный учет состоял из исповедных росписей — переписей и метрических книг — записей текущих демографических событий. Однако эти учетные системы не охватывали всего населения. Ревизии считали плательщиков податей, а церковному учету подлежало православное население.

К середине XVIII в. выявились два пути дальнейшего развития учета населения: первый — каким-то образом объединить ревизский и церковный учет

для получения целостной картины о населении России; второй — создание наряду с ними чисто демографической учетной системы. Попытки объединить данные ревизского и церковного учета продолжались вплоть до 1830-х гг. Найти общее между различными системами учета удавалось на уровне первичных документов, где указывались имена людей (подобный прием использовался с первой ревизии), но соединить сводные материалы было невозможно именно из-за оригинальности, присущей каждому из видов учета. Поэтому во второй половине XVIII в. власти приступили к организации уже собственно демографического учета.

Введя метрики гораздо раньше России, европейские страны приступили к созданию статистики населения в середине XVIII в. Считается, что наиболее успешно эту задачу решило шведское правительство[12]. За основу были приняты материалы церковного учета. Дополнительно к нему с 1749 г. на пасторов была возложена задача в табличной форме и цифровом виде предоставлять сведения о естественном и механическом движении населения, о его составе и численности: о рождаемости (с разделением новорожденных по полу, на брачных и внебрачных, живо- и мертворожденных, с указанием на многоплодные роды); о смертности (причины смерти комбинировались с полом и возрастом умерших, отдельно указывались состоящие и не состоящие в браке); о брачности (заключение и прекращение браков). Все эти сведения приводились по месяцам. Информация о жителях содержала в себе разграничения по возрасту, семейному состоянию, общественному положению и промыслам в комбинации с полом. При проведении этой реформы Швеция столкнулась с трудностями, аналогичными российским.

Духовенство не умело составлять сводные документы демографического учета, первое время при их заполнении пасторы делали много ошибок. Отсутствие должного контроля со стороны государства приводило к тому, что сведения не присылали в назначенный срок (сводку за 1749 г. правительство смогло получить только в 1755 г.). Полагаться на то, что население сообщит о себе точные данные (например о возрасте) также не приходилось. Специально занимаясь этим вопросом, шведский ученый Пер Варгентин вынужден был констатировать, что многие крестьяне не знают точно свой возраст, некоторые по финансовым соображениям его преувеличивают или преуменьшают, другие округляют. Поэтому пасторы отказались от опроса населения и устанавливали возраст по приходским книгам[13]. Со временем выяснилось, что вести подобный учет только на основе метрик невозможно. Духовенство стало вести книги, в которые записывало семьи всех жителей с обычными для народной переписи сведениями о каждом человеке, о рождении и смерти, приезде и выезде[14]. Таким образом создавались так называемые «регистры населения», формуляр которых весьма напоминает ревизские сказки в России.

В начале 70-х гг. XVIII в. также на основе церковного учета новую систему статистики населения попытались внедрить во Франции. Суды, в которые с мест поступали списки о рождениях, браках и смертях, должны были в заранее отпечатанных бланках (где в алфавитном порядке приводился перечень

приходов) указать численность родившихся, умерших и вступивших в брак, тщательно различая лиц того и другого пола[15].

В России в этот период также усиливается интерес к вопросам демографической политики. В «Наказе» Екатерины II появляется специально посвященная этому глава «О размножении народа в государстве». Этой же теме в 1761 г. было посвящено письмо М.В. Ломоносова государственному деятелю И.И.Шувалову. В 1763 г. появляется первый Департамент Сената, на который было возложено «ведать о числе народа». К этому времени государственные органы научились не только определять количество населения, но и учитывать его качественные характеристики (пол, возраст, различные демографические события — рождения, смерти, браки и т.п.). Были разработаны приемлемые формы учетных документов, определены мероприятия по сбору и обработке информации, возникла система наказаний-поощрений при проведении учета населения. На местах появились квалифицированные кадры учетчиков, за несколько лет отложились учетные материалы. Это избавляло от необходимости обращаться за данными только к населению, которое, по замечанию В.Н.Татищева, записей о демографических событиях не вело и по прошествии большого количества лет вспомнить их точную дату не могло[16].

Обобщение и анализ материалов демографического учета в трудах «политических арифметиков» также стимулировали дальнейшее развитие статистики населения. Во второй половине XVIII в. на русский язык были переведены наиболее известные сочинения по этой отрасли знания — Бильфельда, Юсти и Зоннефельса[17]. Возникла отечественная литература — работы Л.Ю.Крафта (по материалам церковной статистики г.Петербурга за 1764—1796 г.), И.Ф.Германа (по данным ряда провинций и городов России, в том числе Тобольской губернии за 1786 г.), А.К.Шторха (по сведениям 15 наместничеств, в том числе Пермского и Вятского, за 1793 г.)[18].

Какие же идеи в организации учета населения выдвигались учеными? «Политические арифметики» пришли к твердому убеждению, что статистика народонаселения должна быть отделена от налогообложения, «ибо чернь почти во всех странах долговременными испытаниями уже удостоверилась, что такие исследования почти ничем другим не сопровождаются, как новыми налогами»[19]. Страх перед переписью, по мнению Зоннефельса, возникал именно из опасения новых налогов. Чтобы «простой народ без всякия утайки открывал подлинное число душ», Юсти рекомендовал «внушить ему, что сия возобновительная перепись не в таком намерении делается, чтобы в последующее время, смотря по тому, наложит на него новыя подати»[20]. Насколько серьезно даже перед статистиками «просвещенных» стран того времени стояла данная проблема, свидетельствуют наблюдения француза Де Поммеля. В 1789 г. он писал о невозможности провести всеобщую перепись в своей стране. Трудно было даже наладить учет населения отдельной провинции. Де Поммель ссылался на опыт в провинции Ош, в которой проведение переписи в 1786 г. привело к народным волнениям[21].

Достаточно единодушно «политические арифметики» выступали за передачу демографического учета из рук церкви в ведение местной администрации, то

есть за введение так называемого «административного учета». Варгентин вообще предлагал переложить его на плечи местного самоуправления, выбрав «надежного человека из числа жителей». Другие считали, что лучшим вариантом будет низшее звено администрации: С. Вобан советовал назначать лейтенантов для проведения учета, Юсти — служителей благочинного правления, урочных или уличных нарядников (в городах) и главных старшин (по селам и деревням), Бильфельд — полицейских офицеров и комиссаров, Зоннефельс — приставов и присутственные места (в городах) и старост (в сельской местности)[22]. Они сами должны были считать жителей, не перепоручая это важное дело своим подчиненным или «другим каким непросвещенным людям».

Следовательно, «политические арифметики» выступали за создание самостоятельного демографического учета, однако еще не в полной мере понимали своеобразие двух составных частей полной схемы статистики населения: переписи и текущего учета. Переписывать население они советовали гораздо чаще, чем принято в современной демографии, — ежегодно (под конец года)[23]. Причем считалось, (видимо, сказался опыт Швеции), что оба вида учета должно осуществлять одно и то же должностное лицо. Подобные взгляды на организацию статистической работы не способствовали выработке различных методов проведения переписи и текущего учета, а наоборот, приводили к их смешению. Это было характерно не только для специфически российских учетных систем (ревизских сказок и метрик с исповедными росписями), но и для Швеции, Франции (по предложению маршала С. Вобана лейтенанты четыре раза в течение года должны были посещать закрепленные за ними дворы, заполняя при этом регистры, и таким образом следить за всеми изменениями в населении)[24]. Подобные же представления были присущи теоретическим трудам Юсти (в поголовный список семей вносить все изменения по мере их возникновения)[25] и Зоннефельса. Предложенный последним проект программы переписи охватывал не только так называемое состояние населения, то есть установление его количества и состава (что присуще переписи), но также его динамику (что относится к текущему учету) и весьма напоминал формуляр ревизской сказки. Также, как и в ревизском учете, перепись начинали с регистрации состояния семьи при последней переписи, затем указывали ее приращение вследствие рождений и переселений, далее — убыль. Сравнение двух последних граф с прошлым показывало, по мнению этого ученого, настоящее состояние семьи[26].

«Политические арифметики» предлагали несколько способов организации статистического наблюдения. Население предлагалось отслеживать, применять метод обхода и изустного опроса («самим ходить по всем домам и записывать живущих там людей, а не призывать к себе хозяев оных и не определять числа обывателей по их сказкам»)[27] или, наоборот, предоставить возможность («приказать») самим жителям сообщать властям демографические сведения о себе[28].

Обращение к материалам уральских архивов свидетельствует, что при налаживании текущего учета использовались многие предложения «политических арифметиков» и практический опыт организации подобного рода мероприятий, накопленный как в России, так и в других странах.

Указом от 10 февраля 1782 г. было «предписано начать сочинение генеральных ведомостей о родившихся, браком сочетавшихся и умерших». Реализация этого начинания возлагалась в промышленных районах на заводские конторы, а в сельских — на волостные правления. Принимая во внимание заключение М.В.Птухи о хорошей постановке статистики на горных заводах Урала того времени, можно предположить, что и учет горнозаводских жителей проводился лучше. Это дает возможность одновременного получения на уральских материалах двух уровней учетной информации: в сельской местности сопоставимой с общероссийской и более качественной на заводах.

Предполагалось, что сведения будут собирать сотские и десятские и каждый день докладывать в заводскую контору (примерно такая же процедура была и для волостных правлений). Контора или правление должны были вести постоянные «верхнейшие записки» и в нужный срок по прилагаемой форме сочинять ведомости[29].

От заводских контор сначала требовали, чтобы они поименно перечисляли родившихся, умерших и вступивших в брак, однако документы получались очень длинными. Тогда было решено о происходящих демографических событиях «показывать генерально, а не подробно», то есть с помощью цифр. О рождаемости требовались следующие сведения: сколько детей родилось и какого они пола; о смертности — сколько человек умерло и какого они пола и возраста, а также, умерли ли младенцы до крещения и о причинах смерти от несчастных случаев (например, убит молнией, утонул и пр.); о брачности — сколько людей вступило в брак, сколько образовалось супружеских пар, сколько холостых женилось на девицах, сколько вдовцов на девицах, сколько холостых на вдовах и сколько вдовцов на вдовах[30]. Генеральные ведомости имели табличную форму.

В указе 1782 г. государственная власть вновь попыталась соединить учет населения, который обязаны были проводить государственные органы, с церковным учетом. Для наилучшей верности данные предписывалось «поверять их з духовным правлением и приходским священником»[31].

В определении сроков, по которым нужно было предоставлять ведомости для контор и правлений, существовали расхождения. От заводских контор требовали присылать подобные ведомости каждые полмесяца, то есть к 1 и 15 числу[32]; затем был установлен порядок высылки ведомости по прошествии каждого месяца[33]. Для волостных правлений был установлен годичный промежуток подачи ведомостей[34].

По опыту в налаживании ревизского и церковного учета государственная власть заранее представляла трудности в реализации данного начинания. Поэтому в указе предусматривались следующие меры: «...если же от коголибо в назначенные числа таковых сведений в получении не будет или будут получены, да не по приложенной форме, то к переправке на счет неисправных возвращены будут с нарочными; нарочные посланы будут на коште писчиков и волостных старост»[35].

Действительно, самым распространенным явлением было запаздывание в подаче ведомостей или составление их не по форме[36]. Так, в конце 1796 г.

Шадринский нижний земский суд вынужден был отправить «во все здешние округи» солдата Федорова с наказом, чтобы он «по приезду в каждой волости нанестройжайше старостам и пищикам подтвердил, чтобы они доставили ведомости непременно, причем из ближних к городу Шадринску волостей к 27 декабря, а из дальних к 29—30 декабря». Федоров должен был также отдать на исправление ведомости, сочиненные не по форме в правлениях Юрьмытской и Мехонской волостей. В этих документах не было означено, «есть ли нет убытые, утопленные, удавившиеся, деревом убитые или громом», а также отсутствовали сведения, сколько детей умерло до крещения[37].

Другая проблема, которая встала в ходе реализации мероприятий по проведению текущего учета, состояла в отсутствии опыта совместной работы администрации и священников по составлению ведомостей на местах. Иногда священники просто не допускали светские власти к имеющейся у них информации. Поэтому в указанном порядке священникам было «строжайше подтверждено» давать сведения по требованиям заводских контор и судов[38]. В конце концов государственные власти рекомендовали организовать совместную работу следующим образом: получать сведения о текущих демографических событиях от сотских и десятских, но по прошествии каждых двух месяцев проверять «оные» совместно с приходскими священниками[39]. В свою очередь, как свидетельствует указ нижнего земского суда Баклановской волости Шадринского уезда, светские власти должны были помогать в церковном учете населения. Сотским и десятским предписывалось жителей на исповедь и «ко святому причастию» «понудить неослабно всех до одного человека в нынешний великий пост»[40]. Местные власти должны были также помогать церкви в организации текущего учета среди староверов. В совместном указе генерал-губернатор Пермский и Тобольский Волков и архиепископ Тобольский Варлаам в 1793 г. требовали: «дабы в сочинении духовных ведомостей не могло последовать остановки, приказать нижним земским судам понудить волостные суды к подаче приходским священникам списков заблуждающихся от православия о семействах их с летами и сколько у них было в 1790, 1791 и 1792 годах родившихся, бракомсочетавшихся и умерших»[41].

Рассмотрение делопроизводственной документации волостных правлений и заводских контор Урала по налаживанию текущего демографического учета позволяет сомневаться в утверждении В.М.Кабузана о несамостоятельности этого вида учета в связи с отсутствием в нем собственных первичных документов. Это верно лишь в отношении сельского населения. В хорошо сохранившихся «книгах» Баклановского волостного правления Шадринского уезда за 1786—1788, 1793, 1794, 1796, 1798, 1799 гг. обязательно имеются годовые ведомости при отсутствии постоянных записей о текущих демографических событиях[42]. Встречающиеся же в архивных фондах волостных правлений документы церковного учета (метрические книги, исповедные росписи) наводят на мысль, что сведения о составлении ведомостей брались именно оттуда.

Объем документов о населении в книгах заводских контор гораздо больше. Заводская администрация совершенно самостоятельно вела текущий демографический учет.

рафический учет и использовала данные церковного, как и предписывалось, только для сверки.

Учитывая значительную численность заводского населения Урала, следует, видимо, признать, что для данного региона текущий демографический учет, проводимый административными органами, с самого начала имел самостоятельное значение. О качестве его материалов говорит тот факт, что их стали активно использовать «политические арифметики». В научный оборот уральские данные ввел начальник Екатеринбургского горного управления И.Ф.Герман. Вскоре по представленной им в Академию наук информации наиболее плодотворный в данной области российский автор Л.Ю.Крафт написал «Мемуар о таблицах населения Екатеринбургских горных государственных учреждений...»[43]. Самим И.Ф.Германом уже в Екатеринбурге в 1808 г. была опубликована работа «О составлении народных таблиц»[44]. По нашему мнению, высказывание авторитетного российского демографа М.В.Птухи об уровне организации горной статистики Урала («Тяжелая и горнодобывающая промышленность имели большое оборонное значение, поэтому отчетность не только государственных, но и частных предприятий поставлена была на большую для того времени высоту, что и нашло свое отражение в трудах Германа»[45]) вполне применимо к такой ее отрасли как учет народонаселения.

XVIII век в истории России — время организации учета населения. По количеству проведенных мероприятий эта задача была перевыполнена, внедрено несколько систем учета: ревизский, церковный, административный. Правительство приступило к внедрению полной схемы статистики населения, принятой в других странах (отказ от разработки оригинальных приемов сбора демографической информации, как это имело, например, место в ревизском учете; формализация демографических данных — четкая, цифровая, ограниченная по числу параметров информация; налаживание текущего демографического учета административными органами). С этого времени, по утверждению А.Бушена, в России «положительно ведется более списков, чем где-либо». Однако конечная цель, как ее сформулировал тот же А.Бушен, — создание «полной статистической системы, соединившей вместе все операции и сосредоточенной в одних руках», достигнута не была[46].

Краеугольный принцип современной демографической статистики — сотрудничество государства и граждан на ее поприще — остался декларацией почти во всех странах, тем более в России. Хотя его значение для дальнейшего развития учета вполне осознавалось. И.Ф. Герман оценивал активную гражданскую позицию следующим образом: «...каждый гражданин должен видеть нужду, необходимость и пользу оных для правительства, следовательно и для самого народа; без сего статистика есть и будет одно пустое слово»[47]. На практике народонаселение чаще приходилось рассматривать только как объект, а не субъект статистической работы. Были созданы достаточно точные системы, которые просто-напросто «отслеживали» население, примерно такими же методами, как современные ученые узнают численность биологических популяций. Видимо, это можно рассматривать как «плату» за «прививку» элементов модернизации традиционному обществу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963; Миронов Б.Н. Исповедные росписи — источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII — первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1989. Т. XX.
2. Миронов Б.Н. Исповедные росписи... С. 104.
3. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 17.
4. ШФ ГАКО. Ф. 224. Оп. 1. Д. 855. Л. 2, 6, 7.
5. Покровский Н.Н. Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.
6. Там же. С. 137.
7. Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII — XVIII в.). Свердловск, 1987. С. 155.
8. Там же. С. 206.
9. Там же.
10. Там же. С. 155.
11. Там же. С. 206.
12. Птуха М.П. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945. С. 168.
13. Там же. С. 170—171, 186, 191.
14. Там же. С. 208.
15. Там же. С. 210—211.
16. Татищев В.Н. Рассуждения о ревизии поголовной и касающимся до оной // Избранные произведения. Л., 1979. С. 361.
17. Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. 1: Статистическая мысль в России (до конца XVIII в.). М., 1955. С. 426.
18. Там же. С. 342—343, 359, 374.
19. Там же. С. 431.
20. Там же.
21. Птуха М.В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. ... С. 249.
22. Там же. С. 144, 186; Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. С. 431, 441, 451—452.
23. Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. ... С. 431, 441.
24. Птуха М.В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. ... С. 144.
25. Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. ... С. 431.
26. Там же. С. 451.
27. Там же. С. 431.
28. Там же. С. 451.
29. ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 17. Л. 12, 32—33.
30. Там же. Л. 32—33; ШФ ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 408. Л. 33 об.
31. ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 17. Л. 32; ШФ ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 408. Л. 33.
32. ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 17. Л. 12; Д. 86. Л. 294.
33. Там же. Д. 17. Л. 32; Ф. 643. Оп. 1. Д. 251. Л. 13.
34. ШФ ГАКО. Ф. 387. Оп. 1. Д. 6. Л. 181.
35. Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 408. Л. 33.
36. ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 17. Л. 32.
37. ШФ ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 414. Л. 324.
38. Там же. Д. 409. Л. 84.
39. Там же. Ф. 387. Оп. 1. Д. 6. Л. 181.

40. Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 413. Л. 151.
 41. Там же. Л. 311.
 42. Там же. Д. 408—417.
 43. Memoire sur les Tables de Population des Etablissemens Imperiaux pour les Mines de Catherinenbourg, presentees a l'Academie par S.E.Mr.Hermann, Capitaine en chef des Mines. Par. Mr. Kraft; «Nova Acta Academiae...» Tomus XV, Petropoli MDCCCVI. P. 237—256. (Цит. по книге: Птуха М.П. Очерки по истории статистики в СССР... С. 343).
 44. Герман И. О составлении народных таблиц. Екатеринбург, 1808.
 45. Птуха М.П. Очерки по истории статистики в СССР... С. 245.
 46. Бушен А. Об устройстве источников статистики населения в России. СПб., 1864. С. 13.
 47. Герман И. О составлении народных таблиц. С. 21.

FORMATION OF THE DEMOGRAPHICS AS AN ELEMENT OF THE MODERNIZATION (BY THE CASE OF THE URALS OF THE XVIIIth – THE EARLY XIX CENTURIES)

The article considers the formation of the demographic statistics in Russia during the XVIIIth — the early XIX centuries, namely, elaborating the theory of organizing data system on the population by the «political arithmeticians» and the practices of the population registration. By using the case of the Urals, the formation of those population registration practices is traced in both the rural and mining variants. The author argues that due to generally high culture of statistics inherent to the administration of the mining works, the effective system of the demographic registration succeeded to emerge.

S.V.Golikova